

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием адвоката Б. в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи И. районного суда города Москвы Т. от 01 июня 2021 года (вх. № ... от 21.06.2021) в отношении адвоката Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия 22 сентября 2021 года вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по обращению судьи И. районного суда города Москвы Т. от 01 июня 2021 года (вх. № ... от 21.06.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета адвокат Б. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав адвоката Б., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Судья И. районного суда города Москвы Т. выдвинула против адвоката Б. следующие дисциплинарные обвинения:

- опоздание в судебное заседание И. районного суда города Москвы по гражданскому делу № ... по иску Ш. к С., назначенное на 10.40 час. 14 апреля 2021 года без приведения уважительности его причин;
- непредставление возражений на исковое заявление Ш.;
- «вызывающее» поведение, неоднократное проявление неуважения к суду, нарушение порядка в судебном заседании, попытка сорвать рассмотрение дела «путем заявления о своей болезни и необходимости оказания ему медицинской помощи», сопряженной с «подмигиванием судье», игнорирование замечаний председательствующего, нарушение основных принципов этики адвоката;
- оскорбление судьи, допущенное в присутствии сотрудников суда

после окончания судебного заседания.

При этом заявитель ссылается на следующие положения Кодекса профессиональной этики адвоката:

«Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии» (п. 1 ст. 4);

«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... уважать права, честь и достоинство... других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению» (п. 2 ст. 8);

«Адвокат не вправе: ...допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения» (пп. 7 п. 1 ст. 9);

«Участвуя в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду...» (ч. 1 ст. 12), «Возражая против действий (бездействия) судей..., адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ч. 2 ст. 12).

Рассматривая дисциплинарное обвинение в опоздании адвоката Б. в судебное заседание, Совет пришел к выводу, что оно не нашло своего подтверждения в ходе рассмотрения дисциплинарного производства.

Согласно Разъяснению № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебное заседание», «Если разбирательство дела откладывается в связи с непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами в жизни адвоката, о которых он сообщает суду срочным звонком либо через своих коллег, родственников или иных лиц, ему следует затем представить суду официальный или личный документ, подтверждающий уважительность его неявки, даже если суд не обращает к нему подобной просьбы. Такое поведение адвоката свидетельствует об уважении к судебной власти, оно также ограждает судью при длительном рассмотрении дела от возможных упреков в волоките, а самого адвоката от сообщений в адвокатскую палату о срывах судебного разбирательства, поскольку судья может запомнить не зафиксированную в протоколе судебного заседания причину неявки адвоката». (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2007. Выпуск № 4-5 (42-43). С. 15*).

Адвокат Б. в своих письменных объяснениях не признает факт опоздания в указанное судебное заседание И. районного суда города Москвы, указывая, что в суд он прибыл в суд вовремя. При этом он отмечает, что страдает сахарным диабетом 1 типа, инсулинозависимым, что делает его состояние непредсказуемым. Почувствовав себя плохо, адвокат Б. отошел в уборную, чтобы проверить уровень сахара в крови и сделать укол, предупредив представителя истца.

Из представленных в материалы дисциплинарного производства фрагментов видеозаписи судебного заседания И. районного суда города Москвы от 14 апреля 2021 года по гражданскому делу № ... следует, что

судебное заседание действительно было открыто в отсутствие представителя ответчика С. – адвоката Б., однако представитель истца Ш. – Са. заявила: «Уважаемый суд! Там сидит представитель ответчика <...> Это он, я его знаю, будет некрасиво с моей стороны», после чего покинула зал судебного заседания. На этом фрагмент видеозаписи судебного заседания обрывается. Вышеуказанное свидетельствует о том, что на момент открытия судебного заседания адвокат Б. находился в здании суда.

Из следующего фрагмента видеозаписи судебного заседания усматривается, что в зал судебного заседания возвращается представитель истца Ш. – Са., а через 45 секунд после начала соответствующего фрагмента видеозаписи в зал судебного заседания заходит представитель ответчика С. – адвокат Б.

Как указано в Заключении Квалификационной комиссии, из наименования файлов с фрагментами видеозаписей следует, что судебное заседание И. районным судом города Москвы могло быть открыто в 10.42 час., а в 10.43 час. адвокат Б. явился в зал судебного заседания, сообщив суду, что «искал кабинет».

Из протокола судебного заседания И. районного суда города Москвы по гражданскому делу № ... от 14 апреля 2021 года следует, что «судебное заседание открыто в 10 часов 40 минут <...> В судебное заседание явились: Представитель истца Са. – личность установлена по паспорту, доверенность в материалах дела, полномочия проверены. Представитель ответчика Б. – личность установлена по паспорту, доверенность в материалах дела, полномочия проверены».

Таким образом, факт опоздания адвоката Б. в судебное заседание опровергается содержанием протокола судебного заседания от 14 апреля 2021 года по гражданскому делу № ... .

Доказательств, фиксирующих время прибытия адвоката Б. в И. районный суд города Москвы, в том числе выписки из журнала учета посетителей указанного суда, заявителем в материалы дисциплинарного производства также не представлено.

При таких обстоятельствах презумпция добросовестности адвоката Б. в части данного обвинения не опровергнута.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в непредставлении представителем ответчика С. – адвокатом Б. возражений на исковое заявление Ш., Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что обязанность представления возражений, а также отзыва на исковое заявление Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации не установлена. По смыслу положений ст. 35 ГПК РФ, возражение относительно доводов других лиц, участвующих в деле, является правом, а не обязанностью лица, участвующего в деле. Доверитель адвоката Б. С. с какими-либо жалобами на ненадлежащее оказание юридической помощи не обращался. Кроме того, Квалификационная комиссия в своих заключениях, а Совет в своих решениях неоднократно отмечали, что они не вмешиваются в тактику, определяемую самим адвокатом при ведении конкретного дела.

Таким образом, и в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в «вызывающем» поведении, неоднократном проявлении неуважения к суду, нарушении порядка в судебном заседании, попытке сорвать рассмотрение дела, «путем заявления о своей болезни и необходимости оказания ему медицинской помощи», сопряженной с «подмигиванием судье», игнорированием замечаний председательствующего, нарушением основных принципов этики адвоката, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, исходит из того, что вызывающим следует рассматривать поведение, содержащее «в себе вызов, оскорбляющее общепринятые нормы, раздражающе заносчивое». При этом под «вызовом» в данном контексте следует понимать «поступок, оцениваемый как объявление борьбы, как оскорбление общепринятых норм» (*Толковый словарь русского языка: В 4 т. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940. Т.1. Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935., опубликован в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте «Фундаментальная электронная библиотека» (<<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>>)).*

Из содержания представленных заявителем фрагментов видеозаписи судебного заседания И. районного суда города Москвы от 14 апреля 2021 года, а также из содержания протокола судебного заседания по гражданскому делу № ... от 14 апреля 2021 года, «вызывающее» поведение адвоката Б. не усматривается.

Как следует из указанных доказательств, после отказа суда в удовлетворении ряда заявленных адвокатом Б. ходатайств последний заявил: «...и что, мне просто уйти сейчас можно? Вы не даете возможность защищаться, я прошу, чтобы ответчику был предоставлен законный суд». В связи с данным высказыванием председательствующим судьей Т. адвокату Б. было сделано замечание за нарушение порядка в судебном заседании, проявление неуважения к суду. Адвокат Б. был также предупрежден судом о возможности применения к нему мер, предусмотренных ст. 159 ГПК РФ. Форма процессуального реагирования на приведенное высказывание адвоката Б. относится к исключительной компетенции председательствующего судьи Т. Однако Совет, оценивая приведенное высказывание на предмет соблюдения адвокатом Б. профессионально-этических норм, каких-либо нарушений не усматривает. Приведенное выше заявление адвоката Б. Совет рассматривает как форму возражения против действий судьи, отмечая, что согласно ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката такие возражения должны заявляться в корректной форме и в соответствии с законом. Из фрагмента видеозаписи судебного заседания усматривается, что указанное возражение было заявлено адвокатом Б. без повышения голоса. Признаков некорректности, неуважительности его формы также не усматривается. Общая эмоциональность данного высказывания не

сопряжена с проявлением неуважения к суду, умалением чести и достоинства участников судебного разбирательства. Требование об обеспечении законности при отправлении правосудия не может рассматриваться как противоречащее требованиям закона.

При таких обстоятельствах Совет не находит оснований признать данное высказывание адвоката Б. содержащим признаки дисциплинарного проступка.

Согласно устоявшейся правовой позиции Европейского Суда по правам человека, «попытка установить справедливый баланс между правом на свободу выражения мнения и профессиональной этикой адвоката не должна препятствовать осуществлению такой свободы адвокатами, которые из-за страха дисциплинарных санкций могут опасаться выразить свои убеждения». (*Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин (Ezelin) против Франции», жалоба № 11800/85, §§ 52–53*).

Рассматривая дисциплинарные обвинения адвоката Б. в неуважении к суду, а также в нарушении порядка в судебном заседании в форме злоупотребления адвокатом Б. своими правами, выразившегося в обращении к суду с просьбами о принятии мер к оказанию ему медицинской помощи, а также в заявлениях о невозможности продолжения участия в судебном заседании в связи с ухудшением состояния здоровья, Совет не усматривает в действиях адвоката Б. дисциплинарного проступка.

В ответ на заявления адвоката Б. о том, что у него «диабет» и «сахар 20», и заявляемые им ходатайства об организации оказания ему медицинской помощи, суд неоднократно делал ему предупреждения, а также удалял из зала судебного заседания, рассматривая данные заявления как нарушение порядка в судебном заседании и проявление неуважения к суду.

Из протокола судебного заседания от 14 апреля 2021 года следует, что в ответ на заявление адвоката Б.: «Мой ответ не имеет значения. Вызывайте скорую, мне плохо», председательствующая судья Т. сделала ему второе предупреждение в связи с нарушением порядка в судебном заседании. В ответ на повторное требование адвоката Б.: «Вызывайте скорую, мне плохо, у меня диабет», он был удален из зала судебного заседания «за грубое нарушение порядка в судебном заседании и проявление неуважения к суду». После окончания перерыва, объявленного в судебном заседании «для вызова судебных приставов и скорой помощи», на вопрос председательствующего судьи: «Вы готовы продолжить судебное заседание в рамках процессуальных норм, установленных ГПК РФ?», адвокат Б. заявил: «Нет, не готов, бригада скорой помощи уехала, через 2 часа мне в поликлинику». На вопрос председательствующего судьи: «имеются ли у Вас документы, подтверждающие данные обстоятельства?», адвокат Б. повторил, что «не готов участвовать в судебном заседании в связи с тем, что бригада скорой помощи уехала. Я не готов и прошу опять вызвать мне скорую помощь, раз уж Вы не хотите принимать мой ответ. У меня сахар 20». Далее на вопрос председательствующего судьи Т.: «Имеются ли у Вас документы,

подтверждающие плохое самочувствие?», адвокат Б. заявил: «Ну конечно, я же их всегда с собой ношу». В связи с этим адвокату Б. было объявлено замечание «за грубое нарушение порядка в судебном заседании и проявление неуважения к суду» с разъяснением ему положений ч. 2 ст. 159 ГПК РФ. На заявление адвоката Б. «нет, я больничную карту с собой не ношу, прошу предоставить время для того, чтобы я смог ее представить, Вы так хотите, чтобы я Вам отвечал?», последовало очередное предупреждение, а требование адвоката Б. «вызывайте мне скорую помощь» повлекло принятие решения об удалении его из зала судебного заседания.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, «закрепляя удаление лица из зала судебного заседания лишь в качестве крайней меры воздействия, данная норма не предполагает какое-либо произвольное, немотивированное лишение процессуальных прав участников процесса, не умаляет право участника процесса на судебную защиту, а лишь исключает возможность злоупотребления своим правом» (См., например, определения Конституционного Суда РФ от 16 января 2007 года № 33-О-О и от 29 сентября 2015 года № 1913-О).

В протоколе судебного заседания от 14 апреля 2021 года мотивы принятия судом решения об удалении адвоката Б. из зала судебного заседания не приведены, что не позволяет Совету определить, в чем именно суд усмотрел нарушение порядка в судебном заседании, неуважение к суду и нарушение этики в судебном заседании. Совет полагает, что анализируемое поведение адвоката Б. могло быть обусловлено состоянием его здоровья и возмущением недоверием суда к его заявлениям о плохом самочувствии. Совет полагает, что в сложившейся конфликтной ситуации и в условиях плохого самочувствия адвокат Б. таким образом пытался довести до сведения суда свою позицию о невозможности дальнейшего его участия в судебном заседании. При этом высказывания адвоката Б. не являются оскорбительными и не содержат признаков неуважения к суду, поскольку никак не затрагивают профессиональных и личных качеств председательствующей судьи.

При таких обстоятельствах Совет признаёт, что избранная адвокатом Б. форма выражения его мнения и просьбы о помощи сама по себе не противоречит требованиям закона и профессиональной этики адвоката. При этом Совет учитывает позицию Европейского Суда по правам человека, согласно которой «использование в замечаниях в адрес судьи тона разговора, который был не оскорбительным, но ироничным или даже саркастическим, считалось соответствующим статье 10 Конвенции». (Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 мая 2009 года по делу «Гувейя Гомеш Фернандеш и Фрейтеш э Коста против Португалии» (Жалоба № 1529/08), § 48).

Не усматривает Совет и оснований для вывода о злоупотреблении адвокатом Б. процессуальными полномочиями, направленном на срыв судебного заседания. Объяснения адвоката Б. о наличии у него хронических заболеваний, в том числе «Сахарный диабет, тип 1, средней тяжести»,

подтверждаются светокопией направления на плановую госпитализацию от 10 августа 2010 года. Нашли свое подтверждение и объяснения адвоката Б. о том, что ему и ранее требовалось оказание скорой медицинской помощи в ходе судебного заседания, поскольку обстоятельства потери им сознания в ходе судебного заседания Н. районного суда города Москвы получили освещение в сообщениях средств массовой информации (*Интернет-портал «Российской газеты»* (<[https://rg.ru/...](https://rg.ru/)>)).

Факт обращения адвоката Б. за медицинской помощью именно 14 апреля 2021 года в 12.00 час., то есть до закрытия судебного заседания (12.50 час.), подтверждается электрокардиограммой от 14 апреля 2021 года, содержащей отметку с номером наряда (№ ...) и временем ее изготовления. Кроме того, Совет доверяет объяснениям адвоката Б. о том, что он отказался от госпитализации не по причине удовлетворительного состояния здоровья, а в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, поскольку инсулинозависимый сахарный диабет включен в Перечень заболеваний, требующих соблюдения режима самоизоляции (Приложение № 2 к Указам Мэра Москвы от 05 марта 2020 года № 12-УМ и от 31 марта 2020 года № 35-УМ (п. 1)) (*Опубликован на официальном сайте Мэра Москвы по адресу <[https://www.mos.ru/upload/documents/docs/35-UM\(2\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/35-UM(2).pdf)>*).

То обстоятельство, что адвокат Б. госпитализирован не был, не является доказательством злоупотребления им своими правами. В свою очередь, утверждение судьи в обращении о том, что прибывшая по вызову бригада скорой медицинской помощи «никаких признаков заболевания, препятствующего Б. участвовать в судебном заседании, не отметила», ничем не подтверждается.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что действий адвоката Б., направленных на воспрепятствование проведению судебного заседания, из представленных в материалы дисциплинарного производства доказательств не усматривается.

Кроме того, срыв судебного заседания, связанный с уклонением от участия в нем адвоката, возможен лишь в том случае, если его участие в заседании обязательно. Согласно ч. 3 ст. 167 ГПК РФ, «Суд вправе рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, если ими не представлены сведения о причинах неявки или суд признает причины их неявки неуважительными». В соответствии с ч. 4 ст. 167 ГПК РФ, «Суд вправе рассмотреть дело в отсутствие ответчика, извещенного о времени и месте судебного заседания, если он не сообщил суду об уважительных причинах неявки и не просил рассмотреть дело в его отсутствие».

Таким образом, судебное заседание И. районного суда города Москвы по гражданскому делу № ... по иску Ш. к С. не требовало обязательного участия адвоката Б., и суд был вправе рассмотреть гражданское дело и вынести решение в отсутствие извещенных о времени и месте судебного заседания ответчика и его представителя, если счел причины их отсутствия неуважительными или если таковые вообще не были ему известны. Как

следует из протокола судебного заседания от 14 апреля 2021 года, именно так суд и поступил после принятия решения об удалении адвоката Б. из зала судебного заседания.

При этом органы адвокатского самоуправления в своей дисциплинарной практике неизменно занимают позицию о том, что «болезнь (воспалительный процесс, высокая температура) является обстоятельством, исключающим возможность продолжения адвокатом участия в судебном заседании, при этом волеизъявление суда по вопросу о том, вправе ли адвокат покинуть зал суда или нет по причине болезни, правового значения не имеет, поскольку в силу ст. 20 и 21 Конституции РФ каждый имеет право на жизнь, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жесткому или унижающему человеческое достоинство обращению; в силу ст. 18 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ указанные права и свободы являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения» (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. Выпуск № 11-12; 13-14). 2004. С. 9-11*).

Прочие высказывания и действия адвоката Б., отраженные в протоколе судебного заседания по гражданскому делу ... от 14 апреля 2021 года и зафиксированные на приложенных к материалам дисциплинарного производства фрагментах видеозаписи судебного заседания, также не содержат признаков его «вызывающего поведения, неоднократного проявления им неуважения к суду», а равно и нарушения им порядка в судебном заседании. В частности, отсутствуют доказательства упоминаемого в обращении «подмигивания» судье.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в «оскорблении судьи, допущенном в присутствии сотрудников суда после окончания судебного заседания», Совет приходит к выводу о его недоказанности. Указанное обвинение основывается только на содержании докладной записки секретаря судебного заседания И. районного суда города Москвы Ша. в адрес председателя И. районного суда города Москвы Л. без даты. В данной записке в числе прочего указывается, что «14 апреля 2021 года в 11 час. 20 мин. после удаления из зала судебного заседания № ... И. районного суда города Москвы представитель С. по доверенности Б. прислонился к дверям зала судебного заседания и слушал происходящее в зале. После оглашения резолютивной части решения суда Б. подошел ко мне и спросил: «Ваша судья пьяная что ли?»».

Совет полагает невозможным основываться в своих выводах лишь на данной докладной записке, поскольку она не имеет даты и, будучи приложенной к обращению судьи И. районного суда Т. от 01 июня 2021 года, могла быть составлена по прошествии значительного времени после окончания судебного заседания. Точность указанных в докладной записке сведений вызывает сомнения и в связи с тем, что в ней утверждается о действиях адвоката Б. после удаления из зала судебного заседания («прислонился к дверям зала судебного заседания и слушал происходящее в

зале»). Однако, согласно протоколу судебного заседания от 14 апреля 2021 года, автор записки Ша. являлась секретарем судебного заседания. Таким образом, в ходе судебного заседания она находилась в зале судебного заседания и не могла являться свидетелем действий адвоката Б., по крайней мере, до момента окончания судебного заседания или объявления в нем перерыва, поскольку, как усматривается из представленных в материалы дисциплинарного производства фрагментов видеозаписи, дверь зала судебного заседания была закрыта.

Адвокат Б. изложенные в указанной докладной записке факты отрицает, утверждая, что вне судебного заседания, в том числе и после оглашения резолютивной части решения суда, он с секретарем судебного заседания не взаимодействовал.

При таких обстоятельствах Совет признаёт неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Б. и в части рассматриваемого дисциплинарного обвинения.

Таким образом, все дисциплинарные обвинения, выдвинутые судьей И. районного суда города Москвы Т. в отношении адвоката Б., не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбуждённое в отношении адвоката Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по обращению судьи И. районного суда города Москвы Т. от 01 июня 2021 года (вх. № ... от 21.06.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков